

Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣрїи ¹⁾).

VII.

Указывая на совершающійся въ ученomъ мїрѣ переворотъ воззрѣній на природу, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы смѣнившая научный материализмъ энергетика или ея, какъ кажется, грядущая преемница, теорія электрическаго прохождения силы и вещества, были свободны отъ затрудненій и достаточны, въ ихъ извѣстныхъ ресурсахъ, для цѣлостнаго научнаго мірoобъясненія. Еще менѣе думаемъ мы приписывать этимъ новымъ воззрѣніямъ по существу принципoвъ, въ основѣ ихъ лежащихъ, обладаніе положительными началами нравственно-религіознаго свойства. Новое міровоззрѣніе претендуетъ пока быть *только естественнымъ* объясненіемъ *естественныхъ* міровыхъ процессовъ: оно, слѣдовательно, въ своей, чисто-научной области, уклоняется принципиально отъ включенія религіознаго начала въ кругъ допустимыхъ наукъ истолкованій фактовъ. Не случайно же, конечно, напримѣръ, отсутствіе слова „Богъ“ во всемъ тогдешномъ томѣ натурфилософскихъ лекцій Оствальда! Не даромъ и горячій обличитель научнаго материализма, рѣшительный защитникъ возрождающейся естественной телеологїи Р. Франкъ смѣлѣе заявилъ, что эту послѣднюю „не слѣдуетъ понимать теистически“: что „въ доктринахъ современнаго пансихизма Бога богословія еще нѣтъ“ и что „мы все еще можемъ на вопросъ о мѣстѣ Его въ нашемъ ученїи

1) Продолженіе См. Октябрь

повторить отвѣтъ Лацласа: „гипотеза личнаго Бога намъ не нужна“ ¹⁾. Еще знаменательнѣе то, что такой глубоко религіозный ученый, какъ лордъ Кельвинъ, находитъ все-таки, что „недостойно науки прибѣгать, вмѣсто естественнаго объясненія явленій природы, тамъ, гдѣ таковое возможно, къ непосредственному акту Творца“, а потому и самъ онъ для объясненія возникновенія органической жизни на землѣ, обращается къ гипотезѣ занесенія ея зародышей изъ иныхъ міровъ какимъ-либо метеорическимъ процессомъ: „какъ эксцентрична и призрачна эта теорія“, сознается великій физикъ, „се все-же нельзя назвать не-научною“ ²⁾.

Согласно съ такими взглядами на обособленность научной работы отъ религіозныхъ соображеній, и новое міронстолкованіе, повторяемъ, хотѣть быть только естественнымъ объясненіемъ космоса. Но уже и теперь достаточно выяснилась неспособность энергетикн дать изъ своихъ началъ удовлетворительное истолкованіе цѣлаю ряда физическихъ и иныхъ процессовъ, настолько, что, быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ неудачъ, за самое последнее время наблюдается опять оживленіе нѣкоторой склонности въ сторону атомистическихъ гипотезъ ³⁾, а Больцманомъ была даже стѣлана блестящая попытка именно посредствомъ атомистики дать вразумительное истолкованіе второму закону самой энергетикн ⁴⁾. Да и главный проповѣдникъ послѣдней Оствальдъ, хотя и полагаетъ, что „энергетическое міровоззрѣніе способно все вмѣстить“, однако называетъ энергетикку „лишь рамой природы“ и сознается, что „рама—еще не картина“ и что для объясненія содержанія картины потребуется еще много времени и труда ⁵⁾, причемъ однако „и энергія не все можетъ объяснить, ибо за предѣлами ея лежатъ нѣчто, еще болѣе емкое, намъ пока неизвѣстное“ ⁶⁾. По мнѣнію же ученыхъ, не расположенныхъ къ энергетикѣ, она „не только не объясняетъ дѣйствительно совершающагося, а скоро затемняетъ

¹⁾ Francé. Der heutige Stand der Darwinschen Fragen, 121.

²⁾ Thomson—Kelvin Popular Lectures and Addresses II, 199—202

³⁾ Poincaré. La Physique moderne, 98, 101—102. Picard, 117.

⁴⁾ Planck, 9

⁵⁾ Ostwald. Vorlesungen, 244.

⁶⁾ Ostwald. Ueberwindung, 35

его: по числу же остающихся нерѣшенными мировыхъ загадокъ она, будго бы, ничѣмъ не лучше механистики“ 1).

Однако, если бы и было такъ, если бы энергетика дѣйствительно была пока „не въ состояніи объяснить всѣхъ даже физическихъ явленій, не говоря уже о явленіяхъ духа“ 2), нельзя тѣмъ не менѣе отрицать, что она, въ отличіе отъ механистики и матеріализма, по крайней мѣрѣ не воздвигаетъ принципиальныхъ препятствій къ признанію самобытности и оригинальности духовныхъ явленій и не полагаетъ, слѣдовательно, такихъ поводовъ къ релігіознымъ отрицаніямъ, которые выводились раньше изъ антиспиритуалистическаго ингилизма. Матерія и духъ, полагаетъ Оствальдъ, объединяются въ понятіи энергіи, но не обезличиваются: вся энергія не сводится безразлично къ одному все-уравняющему механическому началу. признается не одинъ только родъ энергіи, а разные роды ея, различные не количественно и не феноменально лишь, а качественно и реально, специфически (свѣтовая, химическая, электрическая энергія и т. д.); и, „въ ученіи объ этихъ особыхъ энергіяхъ“, дополняетъ Оствальдъ, „мы имѣемъ право вѣрить въ возможность научнаго проведенія понятія и психической энергіи“ 3). „Исховной, высшей и рѣдчайшей изъ всѣхъ 4). Отнынѣ, замѣчаетъ Лоджъ, „нельзя уже исключать вопросовъ о жизни, о духѣ и о волѣ изъ состава естественной философіи“ (т. е. изъ природовѣдѣнія) 5). По примѣру еще Иоганна Мюллера, признававшаго специфическую энергію (первную) для объясненія физиологическихъ функций 6), цѣлая плеяда новыхъ біологовъ стоитъ за самостоятельность особаго, самобытнаго жизненнаго начала, разъясняющаго процессъ органическаго

1) Schnehen. Die energetische Weltanschauung 53—65, 67. Cp. Classen Vorlesungen über moderne Naturphilosophen. Hamburg, 1908, 59 ff

2) Schnehen. 137.

3) Ostwald Vorlesungen VII; 393—394.

4) Тамъ-же, 396—397. Максъ Ферворнъ (Naturwissenschaft u. Weltanschauung, 22), обращаетъ вниманіе на „совершенно исключительный“ характеръ, приписываемый Оствальдомъ этой энергіи: всѣ другіе виды энергіи—объективны; эта же—субъективна; объективно констатировать ее невозможно, для энергетики по крайней мѣрѣ, въ которой эта специфическая сила остается въ полномъ смыслѣ слова *qualitas occulta*

5) Lodge. Life and Matter, 164.

6) Ostwald Vorlesungen 377, 381, 384

бытія, начала, дѣйствующаго не механически и не фатально, а сознательно и цѣлесообразно, даже въ высшей степени цѣлесообразно.

Въ опредѣленіи этого начала, въ истолкованіи его свойствъ и способовъ дѣйствій царитъ пока полный хаосъ и, добавимъ, широкій произволъ; но самая сила броженія и обиліе разномыслий свидѣтельствуютъ объ искренности и глубинѣ кризиса, совершающагося въ этой области знанія. Въ главномъ однако всѣ представители этого направленія новейшей біологіи согласны: объяснить жизнь механически невозможно, говоритъ Франсэ, подводя итоги эволюціи дарвинизма. Такое объясненіе, въ сущности,—та же замаскированная теологія, надъ которою матеріалисты столь безправно глумились, не замѣчая, что сдѣланнымъ ихъ собственнаго объясненія является признаніе конечнымъ двигателемъ и первопричиною случая, то есть, силы слѣпой, безсознательной. Удаляя изъ природовѣдѣнія Бога теологическаго, матеріалисты ставятъ на Его мѣсто новое „безмысленное божество, случай, приписывая этимъ фиктивнымъ творцомъ глубину собственного невѣжества“ „Матеріализмъ изъять душу изъ природы и превратить міръ въ безмысленный механизмъ“, безмысленный, ибо „безъ интеллигенціи механизмъ жизни существовать не можетъ!“ Такой грубый матеріализмъ долженъ вызывать реакцію, долженъ приводить къ признанію всемірнаго Бога. Во всякомъ случаѣ „нельзя не привѣтствовать благотворнаго поворота въ наукѣ отъ случая и безмыслицы къ духу и смыслу“¹⁾

Но повторяемъ, на этомъ поворотѣ—сколько колебаній! послѣ него—какое разнодустье и сколько блужданій! Ограничимся двумя-тремя характерными примѣрами. Вотъ хотя бы „теорія доминантовъ“ ботаника Рейнбе: „надъ всеми энергіями стоитъ высшая сила, она руководитъ ими: она не можетъ ни происходить изъ энергій, ни превращаться въ нее: это сила духовная: она дѣйствуетъ на силы природы, направляя и опредѣляя ихъ: по одна, безъ нихъ, не можетъ производить ничего: она дѣйствуетъ, съ довагательно, но за-

¹⁾ Франсэ' Der gegenwärtige Stand der Darwin Fragen 45, 40, 41, 59 53—54, 59.

нонамъ и въ предѣлахъ каузальности“ 1). Ея частныя воплощенія, „доминанты“, эти властные агенты, эти „кормчие энергіи“, являются для автора теоріи такимъ же необходимымъ предположеніемъ для объясненія цѣлесообразности сложныхъ процессовъ органической жизни, какимъ была раньше для Макеуэля греза о распоряжающемся силами природы гениі, пригодномъ, впрочемъ, по приговору Кельвина, въ лучшемъ случаѣ, для объясненія однихъ механическихъ явленій, а не біологическихъ, уходящихъ за предѣлы динамики 2). Вручая однако своимъ „доминантамъ“ регуляцію различныхъ проявленій энергіи, кильскій ботаникъ въ еще большей степени, чѣмъ его предшественникъ физикъ, убѣжденъ, что все въ видѣ дѣятельности этихъ кормчихъ энергіи для насъ — глубочайшая тайна 3). А вотъ и другой варіантъ стремленія повѣйшей біологін оправдать теоретически факты цѣлесообразности, наблюдаемой въ мірѣ органическомъ,—теорія энтелехіи Ганса Дриша, теорія „души, какъ элементарнаго фактора въ природѣ“. Пятью положеніями 4), основанными на фізіологическихъ и психологическихъ данныхъ, въ особенности же на анализѣ процесса активнаго дѣйствія 5), Дришъ приходитъ сначала къ заключенію о невозможности объяснить жизненные процессы механически, а затѣмъ, для истолкованія ихъ, прибѣгаетъ къ признанію особыхъ, цѣлесообразно дѣйствующихъ силъ, формулирующихъ и регулирующихъ матеріальный ходъ природы и называемыхъ имъ „жизнеспособными (біоавтономными) энтелехіями“ или „объектальными психонами, элементарными (основными), автономными факторами природы“, „обладающими знаніемъ и волею“ 6), то-есть, ставящими себя цѣли, однако не рефлексивно, а инстинктивно, и столь же

1) Reinke Die Welt als That, 293—304. Ср David Cholodenko. Die teleologische Betrachtung in der modernen Biologie (Reinke, Drisch. Cosmann). Bern, 1909, 5 ff.

2) Thomson—Kelvin The Sorting Demon of Maxwell въ Popular Lectures I. 144—148.

3) Reinke, l. c

4) Hans Driesch Die „Seele“ als elementarer Naturfaktor Leipzig, 1903, 5 ff. u Die organischen Regulationen Leipzig, 1901.

5) Die „Seele“ etc 47 ff.

6) Тамъ-же. 83—86

спіхійно ¹⁾ находящими средства и способы къ ихъ выполнению:—элементы совершенно отличные отъ матеріи, но „пока наблюдаемые нами лишь въ связи съ матерьяльными предметами: претерпѣвающіе умноженіе при дѣленіи тѣлъ, съ коими они связаны, безъ утраты однако своей цѣльности“. различные, наконецъ, по своимъ родамъ и „іерархическимъ степенямъ“, сообразно съ тѣми или иными біологическими функціями, которыми они завѣдываютъ“: элементы, въ заключеніе всего, будто-бы отнюдь не метафизическіе, а „данные положительною міровою закономѣрностью“ ²⁾.

Другіе ученые, воздерживаясь отъ подобныхъ детальпрованшыхъ, по черезчуръ гадательныхъ предположеній, но признавая въ то же время, что энергетическое объясненіе процессовъ жизни и духа „чуть ли не еще труднѣе, чѣмъ (само по себѣ несостоятельное) механистическое“, приходятъ, подѣ вліяніемъ Авенаріуса, Маха и Цигена или же самостоятельно, какъ фізіологъ Максъ Ферворнъ, къ „психомонизму“ въ общихъ широкихъ чертахъ, къ устраненію безконечно длящагося дуалистическаго спора о матеріи и духѣ признавшемъ, что „весь гѣлесный міръ есть *лишь содержаніе психеи*“ и что міръ вообще можетъ быть изъясненъ „*только психологически*“, *панпсихически* ³⁾.

Но тогда какъ нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ довольствуются перенесеніемъ смысла жизненныхъ процессовъ и явленій на разныя таинственныя и неопредѣленныя силы, начала или, пожалуй, даже чуть не своеобразныя существа, другіе умы, отрѣшившись отъ боязни былой науки включать релігіозный элементъ даже и въ конечныя ея выводы, переходятъ уже къ болѣе опредѣленному, уже къ *теистическому* истолкованію тѣхъ же тайнъ. Представителемъ такого направленія, является, между прочимъ, извѣстный фізикъ Лоджъ. „Я борюсь“, говоритъ онъ, „противъ двухъ заблужденій: во-1), противъ отрицанія руководящаго, направ-

¹⁾ „Бессознательныя дѣли и бессознательныя средства ихъ выполненія“, по мнѣнію Cholodenko въ его этюдѣ о Дришѣ. Die teleologische Betrachtung etc., 31

²⁾ Drisch Die Seele I. c. u. Der Vitalismus als Geschichte und als Lehre Leipzig, 1905, 242—243.

³⁾ Max Verworu Naturwissenschaft und Weltanschauung 20—23; 25—29; 32; 43; 47—48

ляющаго, центрального начала въ энергіи, а во-2), противъ того, что жизнь—только одна изъ формъ матеріальной энергіи. Первое заблужденіе—самое главное. Законъ сохраненія энергіи не даетъ никакаго права отрицать направляющую активную силу. Однако ни матерія, ни энергія не обладаютъ способностью автоматическаго руководства и контроля. Кроуль и другіе доказали, что энергія не содержитъ въ самой себѣ силы руководящей. Неорганическая матерія, правда, подчиняется вѣншему вліянію безъ какихъ-либо предопредѣленныхъ цѣлей; но совѣтъ иное дѣло—организмъ: его сущность—набреніе и цѣль; а откуда ихъ почерпнуть въ ресурсахъ самой энергіи? Регуляція не есть функція энергіи, и объяснить ее механически, матеріалистически нѣтъ никакой возможности. Остается, слѣдовательно, признать, что жизнь—не матерія и не энергія, а нѣчто принадлежащее къ иной, особой категоріи, къ началу, не только, быть можетъ, сверхъземному, но и имматерьяльному.. Это міръ, не повелѣваемый физикою и химіей, а утилизирующій посредствующіе ресурсы матеріи для своихъ собственныхъ цѣлей и способный къ безконечному развитію. Матерія есть лишь посылка и орудіе духа, повелѣвающаго ею и превосходящаго ее“ 1) Но эпитъ еще не все сказано! Источникъ этого духа, продолжаетъ Людзякъ, мы не въ правѣ сводить также къ особому роду общемировой энергіи: „я съ торжествомъ Кельвиномъ, убѣжденъ, что *жизнь сама не можетъ рождать энергію*: она можетъ только руководить ея трансформаціями. *Не энергія, слѣдовательно, руководитъ, а интеллигенція*; физическая же энергія только подчиняется руководству и контролю. Руководство и контроль—не формы энергіи, не разновидности силы: они—нѣчто, *превосходящее* схему физики, хотя и не нарушающее физическихъ и механическихъ законовъ“ Такимъ образомъ, заключаетъ бирмингамскій физикъ, по сѣтовательный путь нашихъ разысканій долженъ привести насъ къ признанію концепціи *дѣйствія Божественнаго*, возможность такой концепціи мы, конечно, не въ правѣ отрицать: вселенная содержитъ слишкомъ явные указанія на наличность реальности высшей, чѣмъ духъ человѣческій 2) „Жал-

1) Lodge. *Life and Matter*. VII—VIII, 23—24; 117—118; 120; 136; 198—200; 123;

2) Тамъ же, 160; 164; 170—172; 95

кій современный монизмъ и пантелизмъ“ недостаточны для уясненія этой высшей реальности ¹⁾; данныя науки указываютъ намъ не на безличную, неопредѣленную міровую силу или міровую душу, а на Бога-Творца, на „вѣчно дѣйствующаго Создателя міра и его Правителя“, по выраженію лорда Кельвина ²⁾.

Какой контрастъ въ этихъ „исповѣданіяхъ вѣры“ современныхъ ученыхъ съ религіознымъ нигилизмомъ временъ Бюхнера и Молешотта! и какою карикатурою на современное отношеніе точной науки къ религіозному началу оказываются, постъ такихъ признаній, крики пропагандистовъ атеизма о сплошномъ невѣрїи ученыхъ или такія жалкія тирады по этому поводу, какъ слѣдующая, вышедшая изъ подъ пера пѣвчковаго русскаго профессора: „Богъ можетъ быть и не быть, смотря по спросу на Него“ ³⁾. Въ противоположность этому циническому балагурству, несомвѣстному съ серьезностью истиннаго знанія, величайшій физикъ нашего времени лордъ Кельвинъ счелъ въ 1903 г. нужнымъ *публично и демонстративно* заявить, что „современная наука стойтъ не за недоказуемость Бога, а, наоборотъ, *настоячиво* указываетъ на необходимость признанія и прїятія идеи Бога-Творца“ ⁴⁾. А вотъ и другія свидѣтельства въ томъ же духѣ. „въ предѣлахъ строго-научнаго наблюденія и опыта, природа не только *показываетъ* намъ Бога, но и *доказываетъ* Его“, шипеть Фламмаріонъ въ своей, пользующейся такимъ широкимъ распространеніемъ, книгѣ „Богъ въ природѣ“ „Изученіе природы“, говоритъ ботаникъ Рейнке, „приводитъ къ признанію Божества *съ необходимостью*: это—*необходимое* логическое слѣдствіе теорїи организмовъ: это не обманъ воображенія, „не порожденіе вѣры или сусвѣрія, а *логическій выводъ изъ фиктовъ точнаго знанія*“ ⁵⁾ Въ своемъ „Курсѣ дифференціального анализа“ извѣстный математикъ Буссинесъ также заявляетъ, что бытіе Бога—*не гипотеза только, а доказуемый научный выводъ* изъ законовъ вселенной, заставляющихъ признать необходи-

¹⁾ Тамъ же, 113.

²⁾ Thomson—Kelvin. Popular Lectures and Addresses II, 205.

³⁾ Ковалевскій. Мирозданіе, 119.

⁴⁾ Bridges. Illustrations of Positivism. London, 1907, 193

⁵⁾ Reinke Die Welt als That. 13: 307

маго „Мирового Двигателя“, необходимую „упорядочивающую интеллигенцію, аналогичную съ нашимъ разумомъ“, но „несравненно превосходящую разумность человеческую“, по основательной поправкѣ уже великаго Гельмгольца ¹⁾. Дарвинистъ Уоллэсъ свою долгую, научно столь плодотворную дѣятельность заканчиваетъ обшпрнымъ трудомъ объ „обнаруженіи творческой силы Правящаго Духа и конечной цѣли въ мірѣ“, и притомъ „на основаніи старательнаго изученія научныхъ фактовъ величайшими научными авторитетами“ ²⁾ Онъ полагаетъ, что „умножающіяся и все углубляющіяся тайны, всюду встрѣчающіяся съ нами по мѣрѣ прогресса нашихъ знаній о вселенной, уже и теперь ведутъ и должны и въ будущемъ, пока есть люди на землѣ, приводить къ понятіямъ все болѣе правильнымъ о силѣ, а, быть можетъ, до нѣкоторой степени, и о природѣ Творца вселенной и даруютъ намъ матерьялы для религій, основанной на научномъ знаніи, на мѣсто всѣхъ существующихъ религій и вѣрованій вѣковъ минувшихъ“ ³⁾. Другой заслуженный зоологъ, Ромэнсъ, оставившій намъ столь поучительную по искренности и добросовѣстности исповѣди натуралиста о постепенномъ переходѣ, *по чисто научнымъ побужденіямъ*, сначала—отъ традиціонной вѣры къ невѣрію, а затѣмъ, *по мѣрѣ углубленія въ изученіе природы*,—отъ атеизма къ теизму и, наконецъ,—къ положительному христіанству ⁴⁾, Ромэнсъ, хотя и признаетъ въ полной мѣрѣ палочность въ естествознаніи убѣдительнѣйшихъ наведеній къ признанію Бога, считаетъ однако за ошибку во—1) мнѣніе, будто „бытіе Божіе есть не болѣе, какъ проблема естествознанія, разрѣшимая только человѣческимъ разумомъ безъ участія другихъ, высшихъ человѣческихъ способностей“, а во—2) мнѣніе, будто объясненіе духовныхъ процессовъ и

¹⁾ Тамъ-же, 271.

²⁾ Wallace. The World of Life, 333

³⁾ Тамъ-же, 391.

⁴⁾ Посмертное сочиненіе Ромэнса „Мысли о религій“ издано съ отрывками изъ его прежнихъ, къ той же темѣ относящихся статей и съ другими цѣнными добавленіями въ нѣмецкомъ переводѣ Денвертомъ: G. J. Romanes. Gedanken über Religion Göttingen, 1899. Нельзя не пожелать скорѣйшаго включенія этого цѣннаго труда и въ нашу апологетическую литературу.

явленій можетъ быть проведено въ предѣлахъ одной естественной причинности (каузальной связи), тогда какъ на самомъ дѣлѣ для этого потребны „причины высшія и Первичное Существо, стоящее выше всего физическаго и механическаго“. „Интеллигенція эта“, поясняетъ Ромэнсъ. „должна быть аналогичною человѣческому разуму, потому что иначе религіозные инстинкты, несомнѣнно присущіе человѣку и единственные въ своемъ родѣ въ мірѣ живыхъ созданий, не имѣли бы аналогіи ни съ чѣмъ въ цѣлой вселенной и не могли бы найти оправданія своей наличности, что противорѣчило бы закону цѣлесообразности, столь явно дѣйствующему въ природѣ ¹⁾ Но, говоритъ даже Ромэнсъ, эта Высшая Интеллигенція можетъ быть мыслима нами не иначе, какъ безусловно свободною, какъ объективная воля: и вотъ здѣсь-то мы и сталкиваемся съ преобладающимъ доселѣ среди естествоиспытателей главнымъ предубѣжденіемъ противъ признанія такой, абсолютно свободно дѣйствующей первопричины. Признанію ея мѣшаетъ будто бы явно доказанная, незыблемая закономерность всего, въ природѣ совершающагося. Если бы, говорятъ, и былъ личный Богъ, Его все же нельзя было бы признать непосредственно дѣйствующимъ въ процессахъ естественной каузальности: Его роль, все равно, свелась бы къ минимальной, къ роли единовременнаго, одномоментнаго пробудителя дѣятельности вторичныхъ, уже естественныхъ причинъ ²⁾.

Что Ромэнсъ правъ, подчеркивая эту точку зрѣнія по отношенію ко многимъ современнымъ естествоиспытателямъ, тому на лицо многочисленныя доказательства даже среди религіозно настроенныхъ изъ нихъ. Этотъ фактъ констатируетъ и Р. Фраисэ, самъ готовый признать Бога, но не личнаго, христіанскаго и не Логоса Платона, а Пантеоса до-сократиковъ, именно потому, что „міръ правится не произволомъ, а законами“ и „прогрессъ въ природѣ осуществляется не планомерно, а принудительно“ ³⁾. Даже у Рейнке, несмотря на его искреннюю религіозность, сквозятъ остатки того же страха ученой мысли передъ полновластіемъ божественной воли.

¹⁾ Romanes Gedanken, 85—86, 68—70

²⁾ Тамъ-же, 102.

³⁾ France' Der gegenwärtige Stand der Darw. Fragen, 121; 17.

Признавая не личного Бога, а „Божество, Космическую Интеллигенцію, Космическій Разумъ“ ¹⁾, создавшій міръ и руководящій имъ, Рейнке не хочетъ свести его на пантеистическую міровую душу ²⁾, сдѣлать его только имманентнымъ космосу. Такая имманентность несоединима-де съ механическимъ построениемъ растений и животныхъ, ибо отъ понятія машины неотдѣлимо понятіе ея изобрѣтателя и строителя. Несостоятеленъ далѣе пантеизмъ и потому, что, по нему, интеллигентность и цѣлесообразность должны быть изначальными, вѣчными свойствами самой матеріи, а это противорѣчитъ фактамъ, доказывающимъ, что энергіи, предоставленныя всецѣло самимъ себѣ, способны вызывать только хаотическіе, а не планомѣрные и цѣлесообразные процессы. Божество, слѣдовательно,—не міръ и не имманентное только жизненное и активное начало въ мірѣ. Богъ заразе и имманентенъ, и трансцендентенъ: „Онъ живетъ въ природѣ, какъ духъ изобрѣтателя и строителя каждой машины, и, въ этомъ смыслѣ, Онъ имманентенъ міру; по въ то же время Онъ и трансцендентенъ надъ организмами, подобно тому, какъ Эднессопъ трансцендентенъ по отношенію къ каждому отдѣльному телефону. Слово „Богъ“ есть символъ суммы тѣхъ интеллигентныхъ и организующихъ силъ, которыя одновременно—и трансцендентны, и имманентны, которыя рождаютъ имманентность изъ трансцендентности“ ³⁾ Конкретнымъ, добавочнымъ проявленіемъ боязни признаетъ полноту воли и власти Божіей надъ міромъ физическихъ процессовъ у Рейнке является удержаніе положенія о несозданности матеріи: творческую силу Боязю онъ сводитъ, слѣдовательно, на распоряженіе надъ неосуществимо откуда и какъ явившимся первомагерьяломъ. Равнымъ образомъ, послѣ совершенно искреннихъ похвалъ космологіи Моисея, „столь прогрессивной сравнительно съ варварскимъ атеизмомъ“ ⁴⁾, ему самому все-таки желательно ограничить число дней творенія: въ отличіе отъ Дю-Буа-Реймона, „онъ не можетъ управиться однодневнымъ творческимъ

1) Reinke. Die Welt als That, 316 ff.

2) Тамъ-же, 307.

3) Тамъ-же, 472

4) Reinke, 481

актомъ: ему потребно, по меньшей мѣрѣ, два дня, а пожалуй, и цѣлыхъ три: одна—для созданія нашей солнечной системы, другой—для созданія органической жизни и, если угодно, третій—для сотворенія человѣка ¹⁾.

Какъ на послѣдній примѣръ той же ограничительной тенденции по отношенію къ полнотѣ божественной активности у религіозно настроенныхъ изъ современныхъ ученыхъ, укажемъ на Уоллеса. Съ упорствомъ, непонятнымъ и огорчительнымъ для русскаго переводчика его труда, отказываясь объяснить однимъ закономъ постепенной эволюціи переходъ неорганической матеріи въ организованную, переходъ бессознательнаго бытія къ сознательному и появленіе высшихъ душевныхъ способностей, и „включая такимъ образомъ въ развитіе нашей планеты отъ времени до времени совершенно посторонній ей факторъ“ ²⁾, и съ песомѣнною любовью погружаясь въ детальное разслѣдованіе фактовъ „естественной телеологіи“, почтенный Несторъ дарвинизма приходитъ къ заключенію, что „вся цѣль матерьяльной вселенной есть развитіе духовныхъ существъ“ по плану и по волѣ Творца ³⁾; но само выполненіе плана, самый процессъ творенія и прогрессирующаго развитія, по соображеніямъ, сходнымъ съ выше указанными, и онъ считаетъ нужнымъ признать осуществлявшимися и осуществляемыми не самимъ Богомъ непосредственно, а „Его существенными коаллюторами въ процессѣ развитія жизни“: имъ, „Его верховнымъ ангеламъ“, приписываетъ онъ, „сотвореніе, по делегаціи силы и власти отъ Бога, первоначальной, космической области эфира, со всѣми ей присущими качествами и силами, необходимыми для всего дальѣ слѣдующаго“ ⁴⁾,—кон-

¹⁾ Тамъ же, 486

²⁾ Таковы сѣтованія проф. Мензбира, „удивляющагося“ тому, что этой „оригинальнѣйшей точки зрѣнія“ заслуженный англійскій дарвинистъ „непоколебимо держится уже 35 лѣтъ, несмотря на огромный прогрессъ физическихъ и биологическихъ наукъ за указанный періодъ времени“. Статья „Уоллесъ и его научное значеніе“, приложенная ко 2 изданію русс перевода „Дарвиннама“, стр XXV.

³⁾ Wallace. The World of Life, 394

⁴⁾ Тамъ же. 394 sqq, съ довольно подробнымъ описаніемъ постепеннаго осуществленія этой эволюціи „сонмомъ небесныхъ воинствъ, для которыхъ тысяча лѣтъ—какъ день единый“.

ценція будто-бы, „болѣе вѣроятная, чѣмъ та, которая приписывается Божеству не только плану всего космоса, но и непосредственное дѣйствіе на каждую клеточку каждого живого существа, тогда какъ въ концепціи делегаціи творческихъ силъ является возможность сочетать максимальную красоту, разнообразіе и полезность всего въ мірѣ для человѣка съ автоматическимъ процессомъ развитія при минимумѣ (внѣшняго) руководства“ 1).

Въ противоположность этому благонамѣренному, но не лишнему нѣкотораго циничнаго комизма балансправанію ученаго ума между минимумомъ Божественной воли и максимумомъ естественной законамѣрности, ближайшій со товарищъ Уоллеса по области научнаго труда, Ромэнсъ, выступаетъ съ проектомъ примиренія свободы Творца съ законамѣрностью творенія. Онъ ставитъ себѣ цѣлью доказать, что 1) признаніе личнаго Бога не составляетъ препятствія для Его имманентнаго присутствія въ природѣ, точно также, какъ не мѣшаетъ оно и признанію, что вся каузальность есть непосредственное выраженіе Его воли; 2) что, наоборотъ, всѣ приложимые къ данному вопросу аргументы приводятъ къ заключенію, что Богъ дѣйствительно имманентенъ природѣ; 3) по что, если такъ, и если воля Божія послѣдовательна, то всѣ естественныя причинности непремѣнно должны *казаться* намъ механическими и 4), что поэтому сведеніе таковыхъ на ихъ естественныя причины нельзя считать за доказательство противъ божественнаго происхожденія какой либо вещи или какого-либо явленія 2). Съ этой точки зрѣнія обычное въ спорахъ между религіей и наукой противопоставленіе естественнаго и сверхъестественнаго должно отпасть и замѣниться признаніемъ, что все совершающееся—естественно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣниться и отказомъ отъ обычнаго ложнаго взгляда на то, что, если дано объясненіе явленія или процесса въ терминахъ естественной причинности, то тѣмъ самымъ будто бы уже и *все* сполна объяснено; наоборотъ, пора признать, что объясненіе, въ такомъ случаѣ, дано не болѣе, какъ въ предѣлахъ ресурсовъ и компетенціи *лишь этой, естественной причинности*, тогда какъ ро-

1) Тамъ-же, 395.

2) Romanes Gedanken über Religion, 103.

рось о причинѣ *конечной* и здѣсь *не раскрытъ* еще, а лишь *отодвинутъ* въ даль ¹⁾). Пора признать, что „такъ называемая естественная область неправомѣрно выросла за-счетъ такъ называемой сверхъестественной“; и надо дивиться, до какой степени укрѣпилось и широко разлилось совершенно ошибочное предубѣжденіе, будто должно считать научное объясненіе достаточнымъ и полнымъ, если оно раскрыло загадки сравнительно ничтожныя, поверхностныя, допускающія условія такъ называемаго естественнаго объясненія, и оставило совсѣмъ безъ разсмотрѣнія неизмѣримо большія, глубочайшія тайны въ области того, что, опять въ силу ложнаго предвзятаго мнѣнія, считается сверхъестественнымъ. Предполагаемое, кажущееся, но не дѣйствительное противорѣчіе лежитъ не между естественнымъ и сверхъестественнымъ, а лишь между доступнымъ и недоступнымъ намъ въ области каузальныхъ процессовъ мірозданія. Пусть естествознанію по силамъ, пусть ему принадлежать по праву объясненія одной лишь первой категоріи! но какое право даетъ эта природная ограниченность науки отрицать недоступныя ей, *конечныя начала* всякой вещи, каждаго явленія, всякаго бытія, и, сопряженныя съ этими, наукѣ неизвѣстными причинами, дѣйствія и факты, представляющіеся ей, въ силу именно ея невѣдѣнія, сверхъестественными и потому, будто-бы,—невозможными’ ²⁾).

Подходя съ иной стороны къ тому же вопросу, но сходясь въ его рѣшеніи, почтенный бернскій физикъ Груперъ въ академической рѣчи на тему „Какъ возможно быть естествоиспытателю христіанскомъ?“ замѣчаетъ: „личныи-ли Богъ есть причина всѣхъ дѣйствій природы или же слѣпой рокъ; являются-ли законы природы вѣчными, безначальными и непреходящими правилами непостижимаго для насъ свойства, или же они—полное жизни выраженіе Бога порядка, направляющаго ихъ по Своему благоусмотрѣнію,—это ни мало ничего не измѣняетъ въ нашихъ приѣмахъ изслѣдованія, раскрывающихъ только „Какъ“ естественныхъ процессовъ, но никогда ихъ „Откуда“ или „Для чего“. Вопросы религіи вообще, христіанства въ частности—виѣ съль, виѣ

¹⁾ Тамъ-же, 105.

²⁾ Romanes, 106—107

компетенціи науки. Правда, матеріализмъ даетъ на эти вопросы свои, очень опредѣленные, даже слишкомъ опредѣленные отвѣты и отрицаетъ личнаго Бога; но, спрашивается, на какомъ научномъ правѣ основаны его отрицанія, когда у него нѣтъ научныхъ обоснованій для его собственныхъ утвержденій? Матеріалистъ и пынѣ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, относительно этихъ вопросовъ въ правѣ изречь только „Ignoramus et ignorabimus!“ Онъ знаетъ во всемъ міровомъ процессѣ только одну непрерывную, абсолютную, каузальную связь, не допускающую ни свободы, ни Божественнаго провидѣнія, ни добра, ни зла, ни вины, ни наказанія. Но откуда у него право выдавать свой ограниченный, единичный опытъ за выводы универсальные? откуда знаетъ матеріалистъ, что не существуетъ цѣлаго ряда пограничныхъ наукѣ областей, въ которыхъ связи каузальныя замѣщаются связями иныхъ категорій? откуда извѣстно ему, что за игрою этихъ матерьяльныхъ процессовъ нѣтъ еще иной, активной, свободно царящей силы?“... ¹⁾ Пока матеріалисты не отвѣтятъ убѣдительно на эти, вполне правомѣрно предъявляемые къ нимъ вопросы, никто не смѣетъ говорить: „какъ можетъ быть естествоиспытатель вѣрующимъ? какъ можетъ онъ быть христіаниномъ?“ Но мы зато, въ силу отсутствія убѣдительныхъ отвѣтовъ съ противоположной стороны, мы въ правѣ сами спросить: „какъ можетъ современный естествоиспытатель быть научно-убѣжденнымъ матеріалистомъ?“...

VIII.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что поворотъ современныхъ естествоиспытателей къ теизму вызванъ главнымъ образомъ оживленіемъ среди нихъ сознанія наличности планомѣрности и цѣлесообразности въ природѣ. Дѣйствительно, переворотъ, совершившійся въ этомъ отношеніи на пространствѣ полустолѣтія, должно назвать изумительнымъ. Физико-телеологическое доказательство бытія Божія, столь любимое въ XVIII вѣкѣ, подвергнутое острой философской критикѣ Кантомъ, поруганное матеріализмомъ въ

¹⁾ Gruner. Wie ist es möglich dass ein Naturforscher ein Christ sei? Bern, 1905, 15—16.

половинѣ прошлаго столѣтія, получило, какъ многимъ казалось, окончательный ударъ съ появленіемъ теоріи Дарвина. Припомнимъ, какое рѣшающее, будто бы безповоротное значеніе приписывалось, да и понышѣ, въ тенденціозной средѣ, еще приписывается этой теоріи агитаторами невѣрія, и какія серьезныя сомнѣнія противъ аргументовъ въ пользу цѣлесообразности исходили раньше изъ среды даже осторожныхъ и безпристрастныхъ ученыхъ, напримѣръ, Ромэнса въ его раннихъ статьяхъ по этому поводу ¹⁾. Прошло лѣтъ тридцать, и телеологія, эта „священная, но безплодная всталка науки“, какъ называлъ ее Бэконъ, эта „гетера философіи“, какъ обозвала ее Гексли, вернулась побѣдительницею въ область новѣйшаго природовѣдѣнія: и, что особенно достопримѣчательно, какъ разъ сторонники теоріи развитія, дарвинисты и экс-дарвинисты, энергично высказались за реабилитацію ея значенія и достоинства! Тотъ самый Фиске, котораго такъ высоко ставилъ самъ Дарвинъ за ясное изложеніе началъ теоріи развитія, высказалъ мысль, что телеологія, хотя и непригодная для специальныхъ научныхъ изслѣдованій, сохраняетъ несомнѣнное принципиальное значеніе въ общемъ натурфилософскомъ пониманіи жизни природы, такъ какъ „огрицать присутствія сознательнаго намѣренія во вселенной невозможно“ и „эволюціонный процессъ есть высшая телеологія“, возстановливающая первенствующее значеніе человѣка въ природѣ: такъ, что дарвинизмъ, сначала, какъ казалось, опрокинувшій было телеологію, ввелъ потомъ, на мѣсто прежней, новую, несравненно сильнѣйшую ²⁾. Уоллэсъ, этотъ „первый изъ селекціонистовъ“, призналъ, что естественнымъ отборомъ руководитъ разумная, божественная сила ³⁾ и далъ длинный рядъ специальныхъ разслѣдованій для подтвержденія дорогихъ ему мыслей о высшей, въ пользу человѣка направленной цѣлесообразности въ природѣ. Дарвинистъ Ромэнсъ, сначала такъ рѣзко полемизировавшій противъ телеологіи, окончилъ признаніемъ, что въ духовныя обязанности человѣка входятъ посылки Бога въ природѣ, такъ же, какъ и въ Откровеніи; въ обѣихъ этихъ

¹⁾ Romanes Gedanken 72—73 и особенно 11—14.

²⁾ Fiske. The Idea of God. XXII—XXIV и 158 sqq.

³⁾ Francé. Der gegenwärtige Stand. 53—54.

областяхъ субъективныя свидѣтельства о Богѣ находятъ взаимное подтвержденіе: телеологія Откровенія добавляетъ собою телеологію природы ¹⁾. Телеологія была слишкомъ пренебрегаема первыми дарвинистами, укоризненно замѣчалъ еще Кельвинъ; она должно была вернуться, и она вернулась, облеченная, по выраженію Франсэ, въ новую научную силу ²⁾. Мы уже дожили до момента, когда, въ противоположность раннему вдохновителю новаго точнаго знанія Бэкону, воспрещавшему наукѣ „безплодное разслѣдованіе конечныхъ причинъ“, столь видный представитель новѣйшей философіи естествознанія, какъ Оствальдъ, ставить въ обязанность „всюду въ біологіи спрашивать о конечной причинѣ, обь *Finalle und Causalle*“ ³⁾. Другой выдающійся натурфилософъ, Рейнке, говоритъ также: „цѣлесообразность проходитъ черезъ все развитіе вселенной; біологія же вся сплошь проникнута цѣлесообразностью органической природы. Отрицать ея реальность было бы научною ошибкою. Міровая машина есть верхъ цѣлесообразности: и даже кажущіяся намъ, частныя нецѣлесообразности въ ней не опровергаютъ цѣлесообразности цѣлаго“ ⁴⁾.

Существенно важнымъ въ этомъ переворотѣ воззрѣній на смыслъ процессовъ природы было то, что къ нему пришли не умозрительнымъ, философскимъ путемъ, а эмпирическимъ, наблюдениемъ и опытомъ. Съ одной стороны *противники* дарвинизма, какъ, напримѣръ, Вольфъ, фактически подтвердили невозможность истолковать цѣлесообразность въ явленіяхъ органической жизни механически или же приспособленіемъ слѣпой силы отбора, и предпочитали, какъ Вигандъ, видѣть въ нихъ „сознательные акты Божественной свободы“. Съ другой стороны физически доказавшая неуспѣшность попытокъ *самихъ дарвинистовъ* объяснить цѣлый рядъ основныхъ положеній своихъ ученій однимъ половымъ подборомъ, влияніемъ окружающей среды да приспособленіемъ заставила ихъ задуматься надъ причинами внутренними, что содѣйствовало переходу отъ правовѣрнаго дарвинизма къ ча-

1) Romanes, 158

2) Kelvin. Lectures etc. II, 204—205 и Francé, 61

3) Ostwald Naturphilosophie. 339; 341

4) Reinke. Die Welt als That, 268—277

маркіанству и неовитализму. Уже первые изъ неодамаркіанцевъ, Пфлюгеръ, Косманъ, Дельпино, стали допускать духовную способность приспособленія у растений, а Тито Виньолли—возможность выбора у нихъ-же; Бутлеръ заговорилъ о зависимости видоизмѣненій организмовъ отъ ихъ воли: Дришъ выступилъ съ ученіемъ о присутствіи души уже у низшихъ организмовъ: Герингъ и Геккель—съ доктриною о душѣ растительной, о „клеточной душѣ“ ¹⁾; тогда какъ Оствальдъ констатировалъ факты саморегуляціи энергіи въ процессахъ физико-химическихъ ²⁾, біологи Вармингъ и Ветштейнъ убѣдительно обпаружили проявленія саморегуляціи организмовъ ³⁾, а Вильгельмъ Ру—массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о самопроизвольной функціональной приспособляемости органовъ ⁴⁾, тогда какъ Паули далъ уже и блестящія *опытныя* подтвержденія созидательно-цѣлесообразныхъ процессовъ въ органическомъ мірѣ, причемъ отброшено было, даже въ добавочномъ, содѣйствующемъ смыслѣ, значеніе стихійно-дѣйствующаго отбора и причинную цѣлесообразностей въ организмѣ признанъ не случай, не слѣпая необходимость, „а исключительно сила сужденія“, умѣнье использовать выгодное, умѣнье, притомъ, будто бы, даже молекулярной, химической области и простирающееся до настоящей изобрѣтательности! ⁵⁾. Отчасти предугадывая, отчасти добавляя эти смѣлыя положенія, Сам. Бутлеръ обратилъ вниманіе на рѣшительное значеніе привычки въ жизненной экономіи организмовъ ⁶⁾; Герингъ призналъ память за всеобщую функцію органической матеріи ⁷⁾; а Рих. Семонъ развилъ эти мысли въ систематическую доктрину о „памяти, какъ принципѣ, поддерживающемъ устойчивость въ смѣтѣ органическихъ процессовъ“ ⁸⁾. Договорились до

1) Francé. Darwin Fragen, 67—73.

2) Ostwald Vorlesungen über Naturphilosophie, 271.

3) Francé, 74

4) W. Roux. Der Kampf der Theile im Organismus, Leipzig, 1881

5) Francé 84—91.

6) Sam. Butler. Life and Habit, London, 1878.

7) Ew. Hering Ueber das Gedächtniss als eine allgemeine Funktion der organischen Materie. Wien, 1870.

8) Rich. Semon. Die Mneme als erhaltendes Princip im Wechsel des organischen Geschehens. Leipzig, 1904. Цѣль и выводы работы—347—348

способности къ разсужденію у органическихъ тканей и отдѣльныхъ клеточекъ, до общенія, до бесѣды, чуть ли не до совѣщанія клеточекъ другъ съ другомъ „черезъ потокъ иррадіацій“!... 1).

Наконецъ, съ надѣлавшимъ столько шуму на Штутгартскомъ Съѣздѣ 1906 года рефераторомъ Прицброма о цѣлесообразномъ возстановленіи утраченныхъ или поврежденныхъ частей уже у представителей всѣхъ трехъ царствъ природы, новая біологическая телеологія проникла даже въ неорганическій міръ. Отнынѣ опытно обнаруженное въ немъ „абсолютное отвращеніе къ аморфному (безформенному) состоянію“, тенденція кристалловъ къ выбору формъ наиболѣе устойчивыхъ, при сохраненіи принципа наименьшаго дѣйствія: еще болѣе изумительныя, но цѣлесообразности и практичности пріемовъ, усилія ихъ къ возстановленію нарушенной формы, къ „самозлѣченію“, 2)—все это даетъ такому признанному знатоку минералогіи, какъ Лашпаранъ, поводъ воскликнуть, что эти созданія міра, доселѣ считавшагося бездушными, предстаютъ нынѣ передъ нами „почти какъ личности, да еще какъ личности взаимоотносяющія!“ 3). Обобщая наведенія, наблюденія и опыты сюда относящіяся, возникаютъ уже и цѣлыя телеологическія теоріи въ области современнаго природовѣдѣнія. Уже Нэгелъ сдѣлалъ попытку построенія таковой на почвѣ обще-психическаго начала; Косманъ другую—на почвѣ анализа начала каузальнаго, которому, по его мнѣнію, біологія ошибочно, вопреки свѣдѣтельству фактовъ, приписывала универсальное значеніе, примѣнимость ко всѣмъ явленіямъ жизни 4). Біологін, полагааетъ Косманъ, прежде всего, недостаетъ яснаго открытаго признанія необходимости телеологіи и ея систематическаго примѣненія ко всѣмъ областямъ теоретической и практической науки о жизни: программу такой „эмпирической телеологіи“ онъ и даетъ въ третьей части своей книги на эту тему 5)

1) Francé, 89; 92—93

2) L'Apparent Science et Apologie'tique. 121; 116—121; 147 ss; 151—153. 122

3) Тамъ-же, 120.

4) Kosmann Elemente der empirischen Teleologie. Stuttgart, 1899 Разборъ этого труда у Cholodenko.

5) Вотъ ея главныя отдѣлы: 1) Онготелеологія, тракующая о состоя-

Послѣ всего вышеизложеннаго неудивительно, что, тогда какъ одни ученые еще упорствуютъ на констатированіи фактовъ по-истинѣ чудесной цѣлесообразности въ природѣ и въ всякой связи съ религіознымъ началомъ ¹⁾ или, хотя и сводя эти „естественныя чудеса“ не къ матеріи, а къ духу, приписываютъ послѣднему однако качества какъ будто исполнѣ физическія (Паули и сходные съ нимъ ²⁾; а другіе, какъ Геккель ³⁾, пользуются ученіемъ о цѣлесообразныхъ функціяхъ животныхъ, растительныхъ, „плазматическихъ“ и „клеточныхъ“ душь для обновленія матеріализма или для расширенія механическаго объясненія органическихъ процессовъ и явленій, какъ Вильгельмъ Ру ⁴⁾.—съ другой стороны находятся и такіе ученые, которые, въ разсужденіяхъ по поводу этихъ наблюденій и опытовъ проявляютъ рѣшимость перейти къ признанію уже *теистической* причины явленій цѣлесообразности. Такой переходъ исполнѣ понятенъ, и для желающихъ совершенно правомоченъ, по сознанію (также несочувствующаго ему Фиске ⁵⁾; для большинства же изъ фактовъ и наведеній повѣйшей телеологіи даже вѣроятнѣе выводить заключеніе о личномъ Богѣ, нежели противъ него,—полагаетъ Ланцаранъ ⁶⁾; и что такія заключенія въ

ніяхъ отдѣльнаго индивида; 2) филотелеологія—о состояніяхъ, вытекающихъ изъ прямой наслѣдственности; 3) сексуальная телеологія—о состояніяхъ сродичей одной породы; 4) грегителеологія—о состояніяхъ, касающихся одного цѣлага рода, и 5) универсальная телеологія—о состояніяхъ инородныхъ организмовъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ теоріи мутацій Де-Фрисъ стоитъ за панпсихизмъ, но не принимая его теистическихъ постулатовъ

²⁾ Francé, 94—95.

³⁾ Характерны, между прочимъ, его неутѣшныя сѣтованія по поводу возрожденія витализма, этой „ужасной эпидеміи мозгового расстройства“. Мировыя загадки, 395.

⁴⁾ W. Roux. Entwicklungsmechanik der Organismen.—Programm und Forschungsmethoden der Entwicklungsmechanik der Organismen Leipzig, 1897 etc. Его ученіе о томъ, что „всѣ приписываемыя матеріи силы и энергіи надѣлены организующею способностью“ (gestaltende Kraft), которая, хотя и разная такимъ образомъ, по существу, отъ механической силы въ обычномъ смыслѣ послѣдней, все таки авторомъ понимается какъ нѣчто механическое,—это ученіе вызвало жестокую критику со стороны Гертвага въ Zeit—und Streitfragen der Biologie 2 Heft Jena, 1897.

⁵⁾ Fiske. Idea of God, 100—101.

⁶⁾ Lapparent Science et Apologétique 9—10

настоящее время не рѣдкость въ учебной средѣ—это мы слышали отъ Лоджа, Кельвина, Стокса, Уоллеса, Ромэнса, Рейнке и многихъ другихъ.

Наконецъ, не ограничиваясь одними детальными изысканіями надъ цѣлесообразностью и восходя отъ „міра малыхъ“, еле-видимыхъ или невидимыхъ процессовъ и явленій къ міру земному въ его совокупности и даже къ необъятности космического пространства, новѣйшая телеологія не боится выступать и съ самыми широкими обобщеніями въ благоговѣнномъ духѣ и смыслѣ. Такъ, неоднократно уже приводившіиися нами трудъ Уоллеса имѣетъ своею задачею показать, что цѣлью Творческой Силы въ организаціи и развитіи міра было „предуготовленіе земли для водворенія на ней человѣка, вѣнца всего космического процесса, единственнаго существа, способнаго понимать природу и выводить изъ нея высшій, повелѣвающій Духъ, какъ ея первопричину“, причемъ цѣлью самоѣ нашей земной жизни является „подготовка для жизни будущей, для дальнѣйшаго, непрерывнаго процесса въ высшемъ состояніи ¹⁾. Параллелью къ этому телеологическому истолкованію смысла космогоніи и космологіи на основаніи данныхъ біологіи, можетъ служить у Лаппарана очеркъ геологическаго предуготовленія земли вообще и европейскаго материка въ частности для устройства человѣчества съ его сложными матерьяльными и общекультурными потребностями ²⁾, очеркъ, заканчивающійся такимъ заключеніемъ: „повсюду спеціальныя (геологическія и минералогическія) распредѣленія пастали, кажется, какъ разъ наканунѣ той поры, когда должно было появиться на сценѣ земнаго міра то существо, которое было предназначено стать его повелителемъ“ ³⁾. Такимъ образомъ, по широкому телеологическому синтезу французскаго академика, все въ мірѣ, начиная отъ геометрическихъ и арифметическихъ законовъ ⁴⁾ и кончая сложными явленіями органической жизни и процессовъ духовныхъ,—все свидѣтельствуетъ о высшей и всеблагой му-

¹⁾ Wallace. The World of Life, 334; 398.

²⁾ Остроумный очеркъ истолкованія телеологическаго смысла образованія каменноугольныхъ формаціи и геологической эволюціи Европы у Лаппарана. Science et Apologétique 190—203 и 205 ss

³⁾ Тамъ-же, 211.

⁴⁾ Тамъ-же, 57; 67

рости, руководящей вселенною ¹⁾ „И если“, говоритъ Лавпаранъ, „послѣ всего этого, при разсужденіи о первопринципѣ, еще можетъ предстоять выборъ между Случаемъ и Провидѣніемъ, мы не поколеблемся признать Провидѣніе“ ²⁾.

Нормальнымъ слѣдствіемъ возрожденія телеологій въ современномъ естествознаніи должно было явиться измѣненіе отношенія его представителей къ чуду. Многочисленны признанія ученыхъ XIX вѣка о глубоко-благоговѣнномъ вліяніи на нихъ созерцанія и разслѣдованія тайнъ природы. „Чудеса окружаютъ естествоиспытателя всюду и отовсюду!“ восклицалъ въ былые годы ботаникъ Марціусъ ³⁾, и то же самое констатируетъ геологъ Бишофъ: „чудомъ создалъ Богъ міръ: чудомъ явилось первое растеніе на землѣ, и какъ бы далеко ни удалось намъ прослѣдить причины явленій, отъ ближайшихъ до отдаленнѣйшихъ, все равно,—мы опять приходимъ къ той же причинѣ, лежащей внѣ міра тѣль, то есть, опять приходимъ къ чуду“ ⁴⁾. Но, скажутъ нѣкоторые,—„то грезы ученыхъ-піетистовъ, на старыи, традиціонный ладъ воспѣванныхъ, не укрѣпленныхъ вѣрою современнаго знанія въ жельзную необходимость, въ абсолютную неизмѣняемость естественныхъ законовъ, несогласимыхъ съ понятіемъ чуда!“ Но такимъ возражателямъ наука уже нашихъ дней отвѣчаетъ въ лицѣ Джорджа Стокса, того Стокса, котораго Гексли и Гладстонъ называли „Ньютономъ нашего времени, совершенно царившимъ надъ всею областью современнаго естествознанія“ и однако не колебавшимся не только признать отдѣльное чудо, какъ постулатъ вѣры въ личнаго Бога, но признать и возможность приостановки дѣйствій законовъ природы Высшею Волею или же измѣненія ихъ обычныхъ реченій воздѣйствіемъ какого-либо иного закона, въ Ея распоряженіи и предусмотрѣніи находящагося ⁵⁾. И такое заключеніе въ области современной науки—не единичное! Другой талантливый физикъ, Гирнъ считалъ „удостовереннымъ наукою“, что Богъ вмѣшивается въ ходъ природы посред-

¹⁾ Тамъ-же, 270.

²⁾ Тамъ-же, 212

³⁾ Kneller, 353—354.

⁴⁾ Bischoff. Populäre Vorlesungen Bonn, 1843, 13

⁵⁾ G. Stokes Natural Theology.—Gifford Lectures for 1891 London and Edinburgh, 22—25.

ствомъ того акта, который мы называемъ чудомъ, причѣмъ чудо оказывается „не противъ природы, а сверхъ законовъ природы“ ¹⁾. По энергичному саркастическому выраженію русскаго математика П. А. Некрасова, „вѣра въ не-критическія, сверхъестественныя чудеса, признаваемая мистикою матеріализма, фетишизма и позитивизма, допускающая абсолютно-безсознательную творческую инициативу (слѣпой силы природы) есть суевѣріе: но критическое чудо (творчество духовно-разумнаго существа) не противорѣчитъ природѣ“ ²⁾. Физикъ Бальфуръ Стьюартъ также утверждаетъ: „несомнѣнное превозмоганіе дѣйствій извѣстныхъ намъ силъ природы имѣло мѣсто при тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось пришествіе Христово“ ³⁾; а математикъ Юнгъ по вопросу о чудесахъ вообще пишетъ: „мы не въ правѣ утверждать: что обобщенный результатъ нашего ограниченнаго опыта окажется свободнымъ отъ всякихъ исключеній даже и при свѣтѣ болѣе расширеннаго знанія. Стараясь ввести кажущіяся исключенія въ кругъ научнаго порядка, мы злоупотребляемъ авторитетомъ науки, какъ скоро утверждаемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ исключеній быть не можетъ. Какимъ бы обширнымъ ни оказывалось царство законмѣрности, мы все-же не смѣемъ выводить отсюда логическаго заключенія, что никакого вмѣшательства въ него никогда не происходило въ прошломъ и что таковаго не можетъ случиться въ будущемъ“ ⁴⁾. Послѣ такихъ признаній можно считать оправданнымъ эффектное восклицаніе Брюнстера: „физика уже не въ силахъ противиться чуду!“ ⁵⁾.

Приведенныя сейчасъ соображенія, преимущественно математиковъ, какъ мы видимъ, близко сходятся съ изложенными раньше разсужденіями зоолога Ромэнса противъ общаго злоупотребленія началомъ причинной связи, которому ошибочно приписывается несвойственное ему универсальное,

¹⁾ Приведево у Courbet. Introduction scientifique à la foi chrétienne, 154—157.

²⁾ П. А. Некрасовъ. Московская философско-математическая школа и ея основатели Москва, 1904. 70.

³⁾ Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ Москва, 1912, 18—19

⁴⁾ Тамъ-же, 131—132.

⁵⁾ Brunetière. Science et Religion Paris. 1895, 58

всеобъемлющее значеніе, въ ущербъ возможности чуда, тогда какъ въ дѣйствительности „сама каузальность есть уже великое чудо“¹⁾. Вотъ еще относящійся сюда же приговоръ бернского физика Грунера: откуда, спрашивается, откуда черпаемъ мы право естественному закону, который есть вѣдь только объединеніе наблюдающей надъ прошлымъ, приписывать принудительную силу и для будущихъ явленій? свидѣтельство прошлаго, данное намъ въ такъ называемомъ естественномъ законѣ,—что оно доказываетъ для будущаго? Ссылаются на законъ причинной связи; но прежній вопросъ остается въ силѣ: кто далъ намъ право ожидать подтвержденія правильности примѣненія закона причинности ко всему будущему? — Конечно, — не наука! конечно, — не логика, а только вѣра! Но исторія науки доказываетъ, что вѣра въ нѣзмѣнные законы природы не всегда ведетъ къ истинѣ²⁾. Разсужденія этого рода все чаще начинаютъ встрѣчаться у современныхъ математиковъ и натуралистовъ, и въ этомъ фактѣ нельзя не усматривать проявленія желанія съ одной стороны—освободиться отъ стѣнительныхъ рамокъ прежняго механистическаго и фаталистическаго міровоззрѣнія, чтобы объяснить многое, съ его точки зрѣнія недопустимое, но фактически требующее настойчиво признанія, а съ другой стороны—желанія „не слишкомъ грубо“, какъ говоритъ одинъ біологъ, нарушать традиціонное уваженіе науки къ законмѣрности всего совершающагося открытымъ и полнозвучнымъ признаніемъ наличности чудесъ въ міровомъ процессѣ. Тѣ-же колебанія, тѣ-же полумѣры, которыя я указалъ въ научной области относительно признанія божественнаго творческаго акта по поводу цѣлесообразности въ природѣ, мы встрѣчаемъ и здѣсь, въ примѣненіи къ вопросу о чудѣ. Рядомъ съ приведенными аргументами математиковъ и физиковъ въ пользу возможности дѣйствительной приостановки обычныхъ естественныхъ законовъ или противодѣйствія имъ иными, невѣдомыми намъ факторами, мы можемъ, разумѣется, указать и на другую тенденцію, умаляющую значеніе чуда передѣлкою его на рационалистическій ладъ. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, физикъ Ол. Поджакъ. Принципіально онъ—за независимость божественной воли отъ какихъ либо

1) Romanes. Gedanken, 100.

2) P. Gruner Glauben und Wissen. Bern, 1907, 10—11; 13.

„законовъ“: детерминація всего во вселенной, по его мнѣнію, въ высокой степени вѣроятна, но она не уничтожаетъ свободы Верховнаго Дѣятеля, отъ которой зависѣло установленіе и самой детерминаціи. „Все вонетину произошло отъ Бога... и вполнѣ правомѣрно вводитъ идею Бога въ объясненіе не только прошлаго, но и, въ равной степени, настоящаго и будущаго“ ¹⁾. Съ этой, конечной точки зрѣнія чуда, слѣдовательно, возможны: „мы окружены чудесами“ ²⁾. Но, добавляетъ Лоджъ, чудеса включены „въ инициативу, въ планъ и въ цѣль космоса, каковыя всѣ—внѣ физическаго міра“, тогда какъ все выполненіе этихъ „экстрафизическихъ“ началъ всецѣло повинуется законамъ механическимъ и, съ механической точки зрѣнія, вполнѣ укладывается въ ресурсы міра физическаго ³⁾. Какъ совершается это изумительное сочетаніе „внѣ-физическаго“ съ физическимъ—мы не знаемъ: „жизнь не есть только физическая энергія: но она—направительница и управительница энергіи и матеріи. Духъ опредѣляетъ; жизнь руководитъ, направляетъ. Эти активныя начала властвуютъ надъ матерьяльной вселенной и контролируютъ ее. Духъ и жизнь властвуютъ надъ матеріей и энергіей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и превосходятъ ее“ ⁴⁾. Чудесныя факты дѣйствительности передъ нами на-лицо: мы припуждены признать реальность и ихъ самихъ, и ихъ первопричины, и, наконецъ, полномощности, а слѣдовательно, и свободы этой первопричины: но, „если мы едва-ли способны понять природу, то мы навѣрно неспособны постигнуть Бога“ ⁵⁾. И однако, по мѣрѣ расширенія знанія, чудесное становится все болѣе раціональнымъ: „чудеса всюду окружаютъ насъ: только они не чудесны: акты спеціального провидѣнія объемлютъ насъ собою: только они не спеціальны. и сама молитва есть способъ общенія столь же естественный и простой, какъ рѣчь“, да и вся „религія становится нынѣ для насъ такою постоянною реальностью, проникая вновь въ духъ современнаго характера и современнаго знанія“ ⁶⁾

1) Lodge. Life and Matter, 174, 171.

2) Тамъ же, 80.

3) Тамъ же, 67.

4) Тамъ же, 69—70.

5) Тамъ же, 172.

6) Тамъ же, 72; 80; 213.

Но, рядомъ съ подобнымъ двусмысленнымъ отношеніемъ къ чудесному, въ современной наукѣ отрадно констатировать наличность попытокъ дать долѣе глубокое и болѣе выдержанное въ научномъ смыслѣ оправданіе послѣдняго. Мы уже говорили объ одной изъ такихъ попытокъ, выражающейся въ измѣненіи взгляда на объемы и ресурсы начала причинной связи. Укажемъ на другую, болѣе емкую по содержанию, болѣе убѣдительную для духа вѣка по своей способности къ строго-научной, методической разработкѣ: я разумѣю опыты расширенія пониманія законмѣрныхъ, но не фатально протекающихъ процессовъ путемъ введенія въ ихъ объясненіе приемовъ аритмологическихъ, приемовъ теорій прерывныхъ функций ¹⁾.

Мы видѣли, что механистическое мірообъясненіе, сводившееся въ концѣ концовъ на материалистическое, привлекало къ себѣ нерѣдко умы строго научные главнымъ образомъ вслѣдствіе связывавшейся съ нимъ надежды дать явленіямъ и процессамъ природы истолкованіе, будто бы поддающееся

1) Честь разработки вопросовъ аритмологической законмѣрности принадлежитъ преимущественно русскимъ ученымъ: отчасти—дерптскимъ профессорамъ Тейхмюллеру и А. Ф. Эттингену, въ особенности же московскому математику Н. В. Бугаеву, а затѣмъ проф. В. Г. Алексѣеву и П. А. Некрасову. См. объ этомъ труды Бугаева: О свободѣ воли (Труды Москов. Психолог. Общества. Вып. III. 1899); Основы эволюціонной монадологии; Математика и научно-философское міросозерцаніе въ Вопросахъ философіи и психологіи (вып. 45-й) 1898. В. Г. Алексѣева. Die Mathematik als Grundlage der Kritik wissenschaftlich—philosophischer Weltanschauung. Jurjew. 1903. Ueber die Entwicklung des Begriffes der höheren arithmetologischen Gesetzmässigkeit in Natur—und Geisteswissenschaften. Leipzig 1904. Математика, какъ основаніе критики научно-философскаго міровоззрѣнія въ Сборникѣ Учено-литерат. Общества при Имп. Юрьевскомъ Университетѣ. 1904.—П. А. Некрасова Московская философско-математическая школа и ея основатели. Москва, 1904, рефератъ „Логика мѣрныхъ некатегорическихъ сужденій и ея отношеніе къ мірамъ физическому и интеллектуальному (1903—4) и статьи на ту же тему въ Вопросахъ философіи и психологіи кн. 68, 70, вызвавшія статьи проф. С. С. Глаголева Факторы социальныхъ явленій (Вѣра и Разумъ 1903. № 1), проф. А. И. Введенскаго. О нравственномъ міропорядкѣ (Вѣра и Церковь 1903 № 1) и проф. П. Тихомирова. Математическій проектъ реформы социологии на началахъ философскаго идеализма въ Богосл. Вѣстникѣ, 1903, № 2). См. кромѣ того Некрасовъ. Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Москва, 1902.

наиболѣе точной, математической формулировкѣ. Тамъ, гдѣ такую удавалось установить, тамъ предполагали обнаруженными неизблѣмые и неизмѣнные естественные законы, свершающіеся съ абсолютною необходимостью, чѣмъ и обосновывалось фаталистическое возрѣніе на природу; тогда какъ все то, что не удавалось подвести подъ эту обязательную формулировку, то все однимъ,—умами болѣе осторожными (агностиками),—относилось въ область непознаваемого, другими же, болѣе поверхностными, догматическими и тенденціозными (матеріалистами стараго типа), на-чисто отрицалось. Въ обоихъ однако случаяхъ не было обращено должнаго вниманія на ту односторонность, съ которою математическій методъ объясненія прилагался безразлично и одинаково ко всевозможнымъ явленіямъ и процессамъ. Односторонность же состояла въ пользованіи для этого однимъ только математическимъ *анализомъ*, одною только теоріею функций *непрерывныхъ*. Благодаря математическому анализу можно въ явленіяхъ природы установить слѣдующія основныя свойства: 1) непрерывность явленій; 2) постоянство и неизмѣнность ихъ законовъ; 3) возможность понять и оцѣнить явленіе въ его элементарныхъ обнаруженіяхъ; 4) возможность складывать элементарныя явленія въ одно цѣлое и, наконецъ, 5) возможность точно и опредѣленно обрисовать явленіе для всѣхъ прошлыхъ и предсказать его для всѣхъ будущихъ моментовъ времени. Эти громадныя достоинства математическаго анализа, оказавши многочисленныя услуги точному знанію въ различныхъ областяхъ естествовѣдѣнія, были однако причиною и переоцѣнки его значенія, подъ вліяніемъ чего у многихъ естествоиспытателей установилось убѣжденіе, что въ природѣ дѣйствуетъ одно начало причинности и не играетъ никакой роли начало цѣлесообразности. „Но анализъ“, говоритъ проф. Михновъ, излагая выводы Н. В. Бугаева, „есть лишь одна первая ступень въ развитіи научныхъ математическихъ методъ; кромѣ него, математика обладаетъ еще аритмологіей, которая, по обширности матерьяла, не уступаетъ анализу, такъ какъ подлежащая ей вѣдѣнію непрерывность можетъ проявляться въ гораздо болѣе разнообразныхъ формахъ, нежели (изучаемая анализомъ) непрерывность. Поэтому вопросы аритмологіи гораздо стоянѣе и труднѣе соответствующихъ вопросовъ

анализа. Между тѣмъ далеко не все явленія природы могутъ быть разсматриваемы съ точки зрѣнія одной непрерывности: напримеръ таблица простыхъ чиселъ не подчиняется закону непрерывности: непрерывность непримѣнима при объясненіи химическихъ явленій и т. д. Прерывность обнаруживается тамъ, гдѣ появляется самостоятельная индивидуальность, гдѣ выступаютъ вопросы о цѣлесообразности, гдѣ появляются эстетическія и этическое задачи¹⁾. Примѣненіе теоріи прерывныхъ функций и чиселъ къ объясненію явленій и процессовъ этого рода, примѣненіе едва начинающагося, раскрываетъ новые широкіе горизонты научному міровоззрѣнію и производитъ существенный переворотъ въ установившихся взглядахъ на отношенія необходимости и свободы, закономерности и цѣлесообразности въ міровомъ строѣ. „Взглядъ на то, что подчиненіе какихъ либо явленій дѣйствительности строгимъ математическимъ законамъ есть синонимъ роковой необходимости“, говоритъ Л. М. Лопатинъ, „этотъ весьма обычный взглядъ (послѣ разъясненій Бугаева въ области аритмологіи) оказывается только предразсудкомъ. Свобода есть столь же хорошо мыслимое и хорошо обоснованное понятіе, какъ и необходимость. Здѣсь показана не только математическая мыслимость и возможность свободы, но и ея совершенная математическая необходимость при опредѣленныхъ обстоятельствахъ“²⁾: Если явленія астрономическія и физическія допускаютъ полное приложеніе математическаго анализа и тѣмъ свидѣтельствуютъ о присущемъ имъ характерѣ универсальности и необходимости при разѣ данныхъ имъ основахъ, то все остальные явленія, химическія, біологическія, психическія, не говоря уже о социальныхъ, обладаютъ лишь прерывною закономерностью, требуя примѣненія къ своему объясненію началъ аритмологическихъ и выходя такимъ образомъ изъ предѣловъ роковой неизбежности. Закономерность остается и здѣсь, но „закономерность особаго характера, не основанная на законѣ причинности, а покоящаяся на законахъ цѣлей, поставляемыхъ свободнымъ, абсолютнымъ Интеллек-

¹⁾ О цѣлительной силѣ природы. Рѣчь проф. С. Д. Михнова на актѣ Юрьевского университета 12 Дек. 1903 г.

²⁾ Въ рѣчи, произнесенной въ память о Н. В. Бугаевѣ: Вопросы философіи и психологіи 1904. Кн. 72.

томъ“, „оставляющимъ свободу и просторъ проявленіямъ индивидуальных качествъ“ не только въ области біологической, но, по мнѣнію проф. В. Г. Алексѣева, даже и въ мірѣ атомовъ химическихъ“¹⁾. Тамъ, гдѣ въ процессахъ жизни природы проявляются начала волевое и сознательное (а мы видѣли какъ широко раздвигаетъ предѣлы области этихъ началъ новѣйшая біологія), тамъ получается нынѣ возможность объединенія психическихъ и механическихъ элементовъ въ нѣкое цѣлое, которому начинаютъ присваивать названіе психо-аритмо-механизма, налпчность *инициативы и прерывности* въ коемъ и требуетъ для своего изученія аритмологическихъ исчисленій. Но такъ какъ этотъ живой психоаритмологизмъ, въ которомъ сознаніе и дѣйствіе восполняютъ другъ друга, существуетъ однако на почвѣ длящейся *непрерывности* бытія даннаго существа, то отсюда возникаетъ необходимость примѣнять одновременно къ изслѣдованію жизни этого существа, кромѣ аритмологическихъ приѣмовъ, еще принципы и аналитическаго исчисленія, обнимающаго и механику²⁾, благодаря чему и совершается объединеніе и примѣненіе механистическаго объясненія съ спиритуалистическимъ въ понятіи и процессѣ закономерности сущаго, болѣе сложной и болѣе емкой, чѣмъ не знающая инициативы и воли закономерность только каузальная, только механическая.

Какія существенно важныя слѣдствія вытекаютъ отсюда для опроверженія прежнихъ возраженій противъ спиритуалистическаго и теистическаго міровоззрѣнія и противъ паличности началъ свободы и цѣлесообразности въ міровомъ строѣ—понятно безъ дальнѣйшихъ разъясненій. Не безъ преувеличенія и увлеченія, но во всякомъ случаѣ и не безъ основанія, вырвались по этому поводу у одного публициста восторженныя слова: „въ теоріи чиселъ мысль ученыхъ нацупываетъ возможность совсѣмъ иного, чѣмъ теперь, чело-вѣческаго сознанія, совсѣмъ иного отношенія къ міру, возможность давно потерянной и многими оплакиваемой вѣры

1) Алексѣевъ. Н. В. Бугаевъ и проблемы идеализма московской математической школы. Юрьевъ, 1905, 31—35.

2) Предыдущее по Некрасову, Московская философско-математическая школа, 27—29.

въ Бога,.. вѣры въ смѣлѣть очевидности философской, еще болѣе неопровержимой, чѣмъ законъ причинности въ остальной природѣ. Если механика природы отклонила насъ отъ постиженія Живого Бога, то фізіологія природы возвращаетъ насъ къ Нему: одинъ отдѣлъ математики, анализъ, убилъ вѣру: другой, высшій отдѣлъ ея, аритмологія, ведетъ къ возстаповленію вѣры, достойной мудрецовъ" ¹⁾). Преувеличенія и неточности въ этихъ горячихъ словахъ, конечно, есть: не у всѣхъ математическій анализъ, какъ мы видѣли, отнималъ вѣру, а по существу, въ ея первоосновѣ и глубинѣ, релігіозную вѣру „убить“ не можетъ никакой математическій анализъ, точно такъ же и радикально обосновать ее не можетъ никакая аритмологія. Но есть, повторяемъ, и истина въ приведенныхъ словахъ: мы видѣли, какъ въ прошломъ увлеченіе будто бы универсальнымъ примѣненіемъ начала безусловной причинности расплывало спиритуалистическій и геистическій взглядъ на міровой строй; мы уже видимъ въ лицѣ многочисленныхъ современныхъ ученыхъ какъ, наоборотъ, крѣпнеть и распространяется этотъ послѣдній взглядъ, по мѣрѣ роста признанія плановѣрности и цѣлесообразности въ жизни природы: для научнаго же оправданія цѣлесообразной, волевой и сознательной закономѣрности теорія прерывныхъ функций и чиселъ, аритмологія, несомнѣнно открываетъ новую, плодотворную возможность. Односторонній, поверхностный раціонализмъ механически-материалистическаго міровоззрѣнія, отклонявшаго свободное, сознательное творческое начало въ процессахъ природы и духа, замѣняя его безсознательнымъ и безвольнымъ, долженъ такимъ образомъ уступить мѣсто болѣе глубокому раціонализму, не допускающему возможности безсознательнаго творчества и усматривающему первоисточникъ всей закономѣрности и всей цѣлесообразности міра въ безконечномъ Божественномъ Разумѣ, направляющемъ такъ называемые естественные законы законами высшаго порядка ²⁾).

Владиміръ Кожевниковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Меньшиковъ. Звѣзды и числа—въ „Новомъ Времени“ № 9990.

2) Некрасовъ. Московская философско-математическая школа, 63—66.